

UNITED WISDOM

Жизнь без детей: выбор, обстоятельства и чужие ожидания

Отношения и близость

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

R-13-N03 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Жизнь без детей: выбор, обстоятельства и чужие ожидания

Эпиграф

> *«...жизнь — её собственное дело».*

Сисели Гамильтон, Marriage as a Trade, 1909, глава I, фрагмент авторского определения женщины; первичный текст, перевод United Wisdom. Это историческая этическая позиция, а не медицинское заключение или современное правовое правило.

О чём эта статья

На семейном ужине человека спрашивают, когда у него наконец появятся дети. Вопрос звучит как обычное участие, но уже предполагает, что нынешняя жизнь временная, а подходящий ответ должен объяснить задержку. Собеседник может не хотеть детей, хотеть и не иметь их, не знать своего решения или не желать обсуждать личную историю. Со стороны эти положения иногда выглядят одинаково. Они не становятся одинаковыми от чужого любопытства.

Статья о том, как различать наблюдаемое обстоятельство, действительное решение и ожидание окружающих. Уважение не требует считать любой ответ окончательным навсегда. Оно также не требует допускать новые вопросы, пока человеку не найдут достаточно убедительное объяснение. Неизвестность можно оставить неизвестностью, не превращая её в диагноз, тайное сожаление или обязанность доказать полноценность жизни другими достижениями.

Мы рассмотрим вымышленные сцены, историческое рассуждение Гамильтон и ограниченный вопрос современного исследования. Здесь нет совета о лечении, фертильности или репродуктивной процедуре. Будущие чувства не предсказаны. Общие планы с партнёром требуют своего разговора, но родственники, коллеги и знакомые не получают автоматического доступа ко всей биографии человека без детей.

I. Отсутствие ребёнка не объясняет само себя

В нашей вымышленной сцене тридцативосьмилетняя Ирина приезжает к матери Вере. Она не хочет становиться родителем и прежде уже говорила об этом. На ужине Вера предлагает познакомить её с человеком, который якобы поможет изменить взгляд на семью. Ирина слышит не новое предложение, а прежнее решение о ней: пока детей нет, правильная жизнь ещё не началась. Нам не требуется объявлять Веру бессердечной, чтобы увидеть предмет этого расхождения.

С той же вечеринки уходит Лена, у которой тоже нет детей. Она хотела их иметь, но не рассказывает родственникам подробности своей истории. Эти две вымышленные женщины находятся в разных положениях. Если обе отказываются обсуждать тему, отказ не стирает различия и не подтверждает общую скрытую причину. У слушателя может остаться мало сведений. Недостаток сведений не предоставляет ему право выбрать за человека самое удобное объяснение.

Наблюдаемое обстоятельство и намерение отвечают на разные вопросы. Нет ребёнка сейчас — это не обязательно не хочет ребёнка, не может его иметь или боится ответственности. У человека может быть план, неопределённость, пережитое событие, о котором собеседник не знает. Статья не распределяет знакомых по этим вариантам. Она предлагает заметить место, где наблюдение заканчивается, а рассказ, который окружающие достроили самостоятельно, только начинается.

Такое различение сохраняет возможность настоящего участия. Если Лена сама сказала, что ей тяжело, можно спросить, какая поддержка ей подходит. Если Ирина сообщила своё решение, можно услышать его, не предлагая немедленно исправить. Если человек ничего не сообщил, можно не делать тему центральной частью встречи. У каждого из этих ответов свой предмет. Общая настойчивость редко бывает точным участием только потому, что объясняется одинаково добрым намерением.

Важно и то, какое слово человек выбрал для себя. Он может назвать себя чайлдфри, говорить просто об отсутствии детей или не использовать категорию вовсе. Слово помогает обозначить положение, но не выдаёт окружающим разрешение допрашивать о причинах. Его отсутствие тоже не делает человека нерешительным автоматически. Право не обсуждать историю не должно зависеть от владения подходящим термином, уверенного тона или способности кратко ответить перед всей семьёй.

Иногда вопрос действительно нужен для конкретной организации встречи. Сколько человек приедет, нужна ли отдельная кровать, кто участвует в завтрашней поездке? Тогда можно спросить об этом прямо. Ответ о нынешнем составе гостей не требует объяснить, почему семья имеет именно такой состав. Если Вера готовит общий отдых, ей

нужны фактические условия участия, а не окончательная версия Ирининой репродуктивной истории. Такая точность оставляет место заботе: можно предусмотреть удобство присутствующих, не превращая отсутствие ещё одного участника в обязательную тему вечера и не собирая сведения, которые для нынешнего дела не понадобятся.

II. Решение, обстоятельства и неизвестность не требуют одного рассказа

У Ирины есть собственное решение, но оно не обязано иметь форму исчерпывающего трактата. Она может знать, что не хочет родительства, и не уметь перечислить все причины в порядке их важности. Можно учитывать последствия выбора, не превращая способность защищать его на ужине в условие самостоятельности. Слабый ответ под неожиданным давлением не доказывает слабости самого решения. Человек не становится обязанным согласиться потому, что другой лучше спорит.

Лене, в свою очередь, не нужно публично уточнять, какие обстоятельства привели к нынешней жизни. У неё могут быть чувства, которые не помещаются в короткое объяснение. Нам неизвестно, что это за обстоятельства, и сцена не разрешает придумать медицинскую причину. Поддержка возможна по её собственной просьбе. Она не требует сначала раскрыть достаточно подробностей, чтобы присутствующие решили, заслуживает ли её опыт уважения и можно ли больше не давать советы.

Есть и человек, который пока не знает, хочет ли детей. Неопределённость может иметь реальное содержание, а не быть замаскированным согласием с ожиданием семьи. Можно думать, обсуждать последствия, получать нужные сведения и не торопиться объявлять внутреннюю историю завершённой. Вместе с тем неопределённость не обещает партнёру желательный итог. Когда затронуты общие планы, неизвестность тоже стоит назвать как неизвестность, а не поддерживать удобное чужое предположение молчанием.

Изменение решения не делает прежнее сообщение нечестным автоматически. Важны время, доступное тогда знание и то, что действительно было обещано. Если Ирина когда-нибудь захочет другой жизни, родственники не получают задним числом доказательство полезности всего прежнего давления. Если она не изменит решения, ей не требуется демонстрировать вечную уверенность ради оправдания нынешнего выбора. Самостоятельность не равна обязательству никогда не встретить нового обстоятельства или противоречивого чувства.

Разные истории поэтому нуждаются не в одном образцовом ответе, а в возможности сохранить собственную форму. Одному подходит ясное сообщение о выборе, другому —

отказ обсуждать, третьему — разговор с определённым человеком. Эти формы не обязаны быть равно удобны слушателю. Можно признать его растерянность, не передавая ему право назначить подробности. Неизвестная часть биографии остаётся неизвестной и после того, как семья согласилась перестать задавать вопросы.

III. Гамильтон: человек прежде назначенной функции

В начале Marriage as a Trade Сисели Гамильтон объясняет, в каком смысле говорит о женщине. Она отказывается оценивать её личную ценность через брак или способность рожать. Это авторское нормативное рассуждение начала двадцатого века. Оно не доказывает, что все женщины одинаково переживают материнство, и не устанавливает медицинскую или юридическую норму. Для нашей темы существенен отказ сводить встреченного человека к одной предполагаемой функции.

Историческая работа шире нынешнего вопроса: Гамильтон рассматривает экономическую зависимость и брак как способ заработка. Её обобщения о мужчинах, женщинах и устройстве прежних обществ не принимаются здесь как проверенные современные факты. Не принимаются и встречающиеся в главе религиозные, расовые и эволюционные стереотипы. Выбрать ограниченное этическое различение не значит признать всю систему автора правильной или получить от неё ответ на нынешнюю частную историю.

В сцене Ирины такое различение меняет направление внимания. Она приехала рассказать о работе, увидеть мать и провести вечер вместе. Если каждый рассказ возвращают к отсутствию детей, её присутствие превращают в подготовку к ещё не исполненной функции. Слушатель может искренне любить родительство. Но его собственный значимый опыт не определяет, какая часть чужой жизни должна считаться центральной, а какая допускается только до наступления правильного этапа.

Обратная подмена тоже возможна. Ирина может начать представлять материнство как отказ от самостоятельности вообще, чтобы защитить своё решение. Тогда вместо одной обязательной картины появляется другая. Родитель может любить свою жизнь, человек без детей — свою; оба могут сталкиваться с трудностями и менять формы участия. Уважение к различию не требует обесценить чужой путь. Оно не строится на соревновании, чья жизнь более свободна, полезна или осмысленна.

Гамильтон не назначается голосом всех людей без детей, а современное слово чайлдфри не приписывается ей задним числом. Её текст оставляет исторический вопрос о том, кого замечают за социальным назначением. Мы переносим этот вопрос редакционно на более широкий круг людей, сохраняя разницу эпох и предметов. Из

этого переноса не следует, что участник ужина обязан принять философскую позицию автора, чтобы получить право не рассказывать о своей жизни.

IV. Исследовательская категория не является диагнозом соседу

В исследовании Дженнифер Уотлинг Нил и Закари Нила 2023 года разные положения людей без детей разделяются через ответы об их планах и желаниях. Данные получены в опросе тысячи взрослых жителей Мичигана; это поперечное исследование, не наблюдение всей последующей жизни. Для статьи важен ограниченный вопрос: отсутствие детей само по себе не сообщает, какой ответ человек дал бы о намерениях. Не следует превращать исследовательскую классификацию в внешний диагноз.

Такой диагноз можно незаметно поставить и без медицинских слов. Знакомые решают, что Ирина обязательно передумает, а Лена просто скрывает свой выбор. По одному наблюдаемому обстоятельству им уже известна вся история. Между тем вопросы исследования адресованы самим участникам. Наш бытовой вывод скромнее их статистики: если ответ неизвестен, он остаётся неизвестным. Нельзя получать чужое решение путём уверенного предположения, а затем просить человека оправдать отклонение от него.

Категории бывают нужны для конкретной задачи, но человек не обязан превращать себя в постоянную анкету. На семейном ужине не требуется выяснить исследовательский статус каждого присутствующего. Можно обсуждать нынешний опыт без распределения всех родственников по окончательным группам. Ирина вправе пользоваться выбранным словом; Лена вправе не выбирать никакого. Ни одному собеседнику не нужно доказать типичность своей истории, чтобы отдельное сообщение или отказ обсуждать были услышаны.

Выборка одного региона не описывает автоматически все страны и культуры, а поперечные данные не предсказывают будущего решения или сожаления отдельного человека. Поэтому в статье нет вывода, что участники нашей сцены обязательно сохранят нынешнее положение. Нет и статистического обещания отсутствия боли. Исследовательское ограничение относится к масштабу знания; редакционное уважение относится к тому, как мы обращаемся с человеком уже сейчас, когда будущее ещё неизвестно.

Две эти области нельзя подменять одна другой. Чтобы не требовать у Лены публичного объяснения, нам не нужна цифра, показывающая, сколько людей похожи на неё. Чтобы обсуждать планы с партнёром, недостаточно общей доли какой-либо группы. Исследование помогает различить вопросы, но не выбирает участие за людей. Оно не

делает практику статьи клинически проверенной и не выдаёт универсальное разрешение на сбор личных сведений из интереса к правильной категории.

V. Общие планы требуют ясности, а не публики

В другой вымышленной сцене Ирина разговаривает с партнёром Алексеем. Он хочет родительства, она не хочет. Это существенное различие будущих планов. Его нельзя устранить тем, что родственники не должны спрашивать на ужине. Партнёр затронут устройством собственной жизни и может нуждаться в честном разговоре о совместимости. Но участие в этом разговоре не даёт ему права требовать репродуктивного действия, обещанного изменения чувств или публичной защиты решения перед семьёй.

Ясность может быть неприятной. Ирина сообщает о нынешнем решении, не обещая, что подходящее убеждение изменит его. Алексей говорит о своём желании, не объявляя его более зрелым или нравственным. Теперь между ними существует реальное расхождение, которое нужно рассмотреть. Оно не доказывает недостатка любви ни у одного. Любовь не гарантирует одинакового плана и не делает отказ от важного желания единственным допустимым способом сохранить достоинство другого человека.

Неизвестность тоже имеет последствия, если она настоящая. Человек может сказать, что пока не определился; партнёр может понять, что не готов строить жизнь в таких условиях. Никто не получает обещания желательного результата по истечении условленного времени. Можно согласовать, когда вернуться к разговору, не назначая к этому дню обязанность хотеть. Дата обсуждения относится к доступности разговора, а не к производству внутреннего ответа нужного содержания.

Подробная личная история и информация о совместном плане не полностью совпадают. Лена, если бы обсуждала будущее с партнёром, могла бы назвать существенные для участия обстоятельства, не делая их доступными всему кругу знакомых. Статья не определяет медицинскую полноту сообщения или правовые обязанности раскрытия. Если нужны профильные решения, их рассматривают отдельно с подходящим специалистом. Наш предмет — не делать аудиторию семейного ужина обязательной частью каждого необходимого частного разговора.

Иногда следующий шаг состоит в изменении отношений, а не в победе одного желания. Иногда люди находят подходящее совместное устройство; иногда признают несовместимость. Здесь нет требования сохранить любую пару и нет совета разойтись немедленно. Важно не выдавать неопределённое обещание за согласованный план и не превращать боль расхождения в право принуждать. Честный ответ может ограничить общий путь, сохранив признание обоих как людей со своими намерениями и пределами.

VI. Будущее сожаление не даёт настоящего разрешения давить

Вера говорит Ирине, что та пожалеет о решении позднее. Ирина может ответить встречным обещанием, что никогда не пожалеет. Но тогда разговор становится соревнованием прогнозов, для которых у обеих нет всей будущей жизни. Не обязательно выигрывать его, чтобы сохранить самостоятельность сейчас. Можно признать неизвестность будущих чувств и одновременно сказать, что нынешний вопрос уже имеет ответ. Возможное сожаление не делает другого человека владельцем решения в настоящем.

Любой значимый путь включает то, чего не произошло. Человек может иногда думать о невыбранной возможности, не считая свою жизнь ошибкой целиком. Может испытывать боль, радость и сомнение в разное время. Статья не назначает эти чувства неизбежными или одинаковыми. Она лишь не требует безупречного эмоционального отчёта в подтверждение правильного выбора. Один тяжёлый вечер не обязан стать признанием, что вся чужая настойчивость была заботой, которую следовало принять.

Точно так же рассказы людей, довольных жизнью без детей, не отменяют опыт тех, кому отсутствие родительства болезненно. Лене не нужно радоваться, чтобы не подтверждать чужой стереотип. Ирине не нужно изображать печаль, чтобы её сочли достаточно глубокой. Обе вымышленные женщины могут иметь настоящее чувство, не становясь представительницами всей категории. Участие собеседника точнее, когда оно отвечает на сообщённое переживание, а не ищет удобное доказательство заранее выбранной картины.

Вера вправе чувствовать грусть от несбывшегося ожидания внуков. Её переживание реально, но не превращается в обязательство дочери осуществить ожидаемую жизнь. Мать может искать поддержку у другого взрослого, обсуждать собственное разочарование, менять планы общения. Ирина может проявлять заботу, не принимая на себя устранение этого чувства родительством. Разделить переживание и требование не значит запретить близким иметь надежды; значит не выдавать надежду за уже существующий долг другого.

Уважение поэтому не зависит от гарантии безошибочного выбора. Оно может сохраняться, когда человек позже думает иначе или признаёт сложность своей истории. Поддержка не должна превращаться в награду за доказанную правоту и исчезать после первого сомнения. Но и сомнение не является приглашением снова убеждать без спроса. Можно уточнить, хочет ли человек обсуждения, практической помощи или просто слушания, оставив возможность отказаться от каждой из этих форм отдельно.

VII. Свободное время не назначает чужую службу

На работе Ирину просят каждый раз брать неудобную смену, потому что у неё нет детей. Возможно, сегодня она может помочь и хочет это сделать. Но её домашнее положение не сообщает обо всех обязательствах, отдыхе и ресурсах. Статья не устанавливает трудовые права или график конкретной организации. Она предлагает редакционный вопрос: обсуждается ли реальная доступность каждого участника или отсутствие одного вида заботы считают автоматическим разрешением на любую дополнительную нагрузку?

Ирина может назвать конкретный предел, не предъявляя доказательство равно важной семейной причины. У неё может быть встреча, собственное дело, необходимый отдых или обязательство, о котором коллегам не нужно знать подробности. Это не означает, что общая задача исчезла. Её требуется решить через понятный порядок участия, а не через негласное предположение, что одна жизнь всегда гибче другой. Нельзя заранее определять чужой ресурс по отсутствию ребёнка на фотографии.

В семье возникает сходный вопрос, когда Лену считают постоянно доступной для ухода за родственниками. Она может любить их, добровольно участвовать и одновременно иметь ограничение. Не требуется сначала принять всю нагрузку, чтобы доказать, что жизнь без детей тоже содержит заботу. Отказ от определённого дела не исчерпывает отношения к человеку. Принятое же конкретное обязательство стоит исполнять или пересматривать честно; отсутствие детей не освобождает автоматически от уже согласованного участия.

Обратная крайность состояла бы в том, чтобы любую помощь представлять уступкой общественному давлению. Человек может хотеть проводить время с племянниками, поддерживать друзей, помогать родителям. Такие желания не опровергают его решения о собственном родительстве. Они также не обязаны служить заменой, которая придаёт жизни допустимый смысл. Забота имеет конкретного автора и предмет; не нужно заставлять её подтверждать подходящее объяснение того, почему у этого автора нет детей.

Когда дело общее, лучше назвать задачу и доступность, чем требовать полную биографию. Кто действительно может участвовать сегодня? Что уже принято? Как распределить недостающее, если один отказался? Ответы могут быть трудными и не гарантируют справедливого согласия. Однако предмет остаётся видимым. Ирина обсуждает смену, Лена — отдельную помощь родственнику; ни одна не обязана сначала защитить своё семейное положение как нравственно достаточно серьёзное для права иметь предел.

VIII. Жизнь не обязана стать оправдательным проектом

После ужина Ирина хочет рассказать матери о прогулке и книге. Вера может услышать это как описание настоящей жизни, а не заполнение времени до появления детей. Для такого слушания не требуется заранее согласиться со всеми дочериными решениями. Достаточно не переводить каждое сообщение обратно в вопрос о неисполненном назначении. У встречи появляется нынешний предмет: два человека могут узнавать друг друга, не устраивая всякий раз проверку жизненного пути одного из них.

Ирине не нужно предъявлять выдающуюся карьеру, путешествия или общественную пользу, чтобы уравновесить отсутствие детей. Лене не нужно доказывать, что обстоятельства уже превращены в мудрость. Обычная жизнь может содержать работу, покупки, усталость, дружбу и множество небольших дел. Её ценность не устанавливается статьёй через сравнительный рейтинг достижений. Не требуется создать особенно красивый рассказ, чтобы окружающие перестали считать доступ к личной истории обязательным условием уважения.

При этом рассказ о своей жизни может быть желанным. Ирина вправе обсуждать выбор, Лена — опыт несбывшегося желания, другой человек — неопределённость. Важно, что сообщение имеет автора, аудиторию и нынешнюю цель. Желание говорить однажды не разрешает всем присутствующим спрашивать в любое время или пересказывать услышанное другим. Граница рассказа может меняться. Она не обесценивает состоявшуюся близость и не требует объявить прежнюю откровенность ошибкой.

Историческая позиция Гамильтон и исследовательское различение Нилов отвечают на разные вопросы. Первая не сводит человека к предполагаемой функции; второе показывает важность собственных ответов для ограниченной классификации. Они не образуют единую доктрину и не доказывают эффективность упражнения. Редакционно их пересечение помогает остановиться перед выводом, который обычно делают слишком быстро: отсутствие ребёнка ещё не сообщает ни личного решения, ни всей истории, ни будущего чувства.

В начале ужина вопрос уже назначал подходящий финал. Теперь возможна встреча без финала, написанного за другого. Ирина остаётся человеком со своим решением; Лена — человеком с непубличной историей; Вера — человеком с собственными ожиданиями, которые не превращаются в чужой долг. Различия могут сохраняться. Статья не обещает убрать боль и конфликт; она оставляет возможность обсуждать нынешнее участие, не превращая всю жизнь без детей в бесконечный ответ на чужое требование объясниться.

Что это значит на практике

Если это подходит и безопасно, вспомните один недавний вопрос о детях, не всю историю отношений. Отдельно назовите известное обстоятельство, собственный ответ и предположение слушателя. Например, детей сейчас нет; вы не хотите обсуждать тему; другой решил, что молчание означает сомнение. Эти три части не тождественны. Можно заметить их одному, не приглашая родственника на совместное упражнение и не раскрывая новые подробности ради точного описания.

Выберите объём ответа, который действительно готовы дать. Это может быть сообщение о нынешнем решении, признание неизвестности или простой отказ обсуждать. Не добавляйте медицинскую причину, выдуманное обещание или длинную защиту всей своей личности ради убедительности. Если затронут конкретный общий план, назовите сведения о нём отдельно. Важный разговор с партнёром не обязан становиться разрешением на продолжение семейного допроса перед другой аудиторией.

После ответа рассмотрите действие, а не победу в споре. Вопрос прекратился, разговор сменил тему, давление продолжилось или вы выбрали завершить встречу? Это возможные наблюдения, не диагностика другого человека и не гарантия будущего уважения. Не нужно повторять личную историю всё подробнее, пока она наконец не станет достаточно веской. Следующий шаг зависит от реальных отношений, доступности поддержки и вашей готовности продолжать, а не от обязательного успеха упражнения.

Практику можно пропустить. Это редакционное размышление, не клинический метод, репродуктивная консультация или юридическая инструкция. Оно не гарантирует согласия и не предсказывает сожаления. Если отказ сопровождается угрозами, принуждением или опасностью, защита не ждёт удачной формулировки и общей встречи; подходящая местная помощь требует своего рассмотрения. Жизнь без детей не обязана быть публичной декларацией, чтобы оставаться действительной жизнью человека, с которым сейчас разговаривают.

Ключевая цитата

> *«Я отделяю женщину от её ролей».*

Сисели Гамильтон, Marriage as a Trade, 1909, глава I, финальная часть второго предложения абзаца о личной оценке женщины; источник, перевод United Wisdom. В этом контексте речь о супружеских и материнских атрибутах. Авторское различение не отменяет значимости добровольно выбранных отношений.

Связи между традициями

Линии	Сопоставимый вопрос	Различие и предел
Гамильтон, I ↔ нынешнее семейное ожидание	Человек не исчерпывается предполагаемой функцией	Историческая нормативная позиция, не современное научное обобщение
Гамильтон, предисловие ↔ редакционный предел участия	Экономические обстоятельства и чувство не тождественны	Историческая теория брака не определяет нынешние трудовые или семейные права
Нилы, методы ↔ неизвестная личная история	Отсутствие детей не равно одному намерению	Опросная классификация не является внешним диагнозом
Нилы, ограничения ↔ прогноз чужого сожаления	Масштаб знания ограничен	Поперечные данные одного региона не предсказывают отдельное будущее
Историческое рассуждение ↔ современное исследование	Полезно различать человека и готовое объяснение	Разные жанры и предметы; никакого консенсуса или доказанной эффективности практики

Первоисточники

1. Cicely Hamilton. Marriage as a Trade. New York: Moffat, Yard and Company, 1909; фактическая титульная и copyright-страница электронной версии. Gutenberg 54704, release 2017-05-11, updated 2024-10-23. Прочитаны метаданные, предисловие, вся глава I и выбранное начало II; не весь труд. Две короткие роли из собственной речи автора, не вложенные цитаты; исторические универсалии и стереотипы не приняты как нынешние факты.

2. Jennifer Watling Neal, Zachary P. Neal. Prevalence, age of decision, and interpersonal warmth judgements of childfree adults: Replication and extensions. PLOS ONE 18(4), e0283301, 2023-04-05. Прочитаны выбранные определения, полные методы и обсуждение, показанные результаты и ограничения; таблицы, данные и код отдельно не проверены. Использованы различение намерений и предел поперечного регионального знания, не прогноз индивидуального сожаления, диагноз или клиническая рекомендация.

Теги

жизнь без детей, чайлдфри, выбор, обстоятельства, неопределённость, ожидания, родительство, материнство, отцовство, личная история, приватность, отказ, объяснение, семья, партнёр, совместимость, общие планы, сожаление, прогноз, уважение, забота, доступность, работа, ответственность, давление, самостоятельность, Гамильтон, Мичиган, исследовательские категории, добровольная практика

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.